

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)
К23

Dan Carlin

THE END IS ALWAYS NEAR:
APOCALYPTIC MOMENTS, FROM THE BRONZE AGE
COLLAPSE TO NUCLEAR NEAR MISSES

Copyright © 2019 by Dan Carlin

Published by arrangement with Harper, an imprint of HarperCollins Publishers

В оформлении обложки использована фотография:
Time Life Pictures / Department Of Energy (DOE) / Gettyimages.ru

Карлин, Дэн.

К23 Хардкорная история. Апокалиптические моменты от древности до наших дней / Дэн Карлин ; [перевод с английского Т. О. Новиковой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с. — (Хардкорная история. Исторические события в современном прочтении).

ISBN 978-5-04-112729-9

Создатель самого популярного в мире подкаста по истории Hardcore History Дэн Карлин рассматривает некоторые из апокалиптических моментов прошлого как способ решения задач будущего. Гибель великих цивилизаций, пандемии, войны, каждая из которых могла нанести непоправимый ущерб, — что они говорят о нас самих и чем этот опыт может помочь нам сегодня? Могут ли такие события повториться и из-за чего наша нынешняя цивилизация способна потерпеть крах?

Мастерски соединяя воедино прошлое и будущее, Карлин анализирует самые «хардкорные» и драматичные моменты в истории различных цивилизаций, когда человечество стояло «на грани». Необычно глубокая, философская и полная исторических деталей, его книга позволяет иначе взглянуть на хрупкость сегодняшней цивилизации.

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)

© Новикова Т.О., перевод
на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-112729-9

Посвящается Бриттани, Лив и Эйвери

ОГЛАВЛЕНИЕ

7	ПРЕДИСЛОВИЕ
13	ГЛАВА I: ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА ЗАКАЛЯЮТ ЛЮДЕЙ?
26	ГЛАВА II: СТРАДАНИЯ ДЕТЕЙ
39	ГЛАВА III: КОНЕЦ СВЕТА, КАКИМ ОНИ ЕГО СЕБЕ ПРЕДСТАВЛЯЛИ
80	ГЛАВА IV: ПРАВОСУДИЕ В НИНЕВИИ
101	ГЛАВА V: ЦИКЛ ЖИЗНИ ВАРВАРА
141	ГЛАВА VI: ПРОЛОГ ПАНДЕМИИ?
162	ГЛАВА VII: БЫСТРЫЙ И МЕРТВЫЙ
229	ГЛАВА VIII: ДОРОГА В АД
264	ПОСЛЕСЛОВИЕ
268	БЛАГОДАРНОСТИ
271	ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА
285	ОБ АВТОРЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вы когда-нибудь задумывались, что современная цивилизация может погибнуть, а наши города превратятся в руины?

Похоже на избитую тему научно-фантастических романов: археологи будущего осторожно бродят среди проржавевших скелетов небоскребов Нью-Йорка, Лондона или Токио, по тоннелям метро или канализации; выкапывают наших мертвецов из могил и изучают их так же, как мы сегодня изучаем древнеегипетские мумии; пытаются расшифровать наш язык, код нашего письма и гадают, кем мы были. Невозможно даже представить, что наши могилы, здания и останки будут изучать так же, как сегодня мы изучаем древние археологические находки. Но вполне возможно, что тот, кто стал мумией, выставленной в музее, точно так же думал о своем времени и месте.

Конечно, правильного ответа на подобный вопрос не существует. Многие вопросы, поднятые в этой книге, относятся к той же категории – вопросы без ответов. Возможно, это и делает их такими интересными.

Простая фиксация свидетельств прошлого и экстраполяция их на будущее могут произойти удивительно быстро. Представляя, как то, что уже не раз случилось в истории, повторится в современную эпоху, мы погружаемся в

сферу фантастики. Очень тонкая грань отделяет фактическую историю от недоказуемой и гипотетической фантазии. Мгновение, в котором мы все живем, – это точка, где жесткая хронология записанных имен и дат пересекается с воображаемой альтернативной реальностью возможного будущего. Мысль о том, как мир XXI века погибнет от страшной чумы, подобной пандемиям прошлого, – это фантазия. Но это вполне возможно и не раз случалось до нас. Какова же связь между фактическим прошлым и гипотетическим будущим?

Мне говорили, что любая нормальная книга должна отвечать на вопросы или хотя бы приводить аргументы. Если это так, то перед вами не нормальная книга. Это скорее собрание слабо связанных между собой очерков. У меня нет аргументов, которые совпадали бы с подходом нашего подкаста. Я – не специалист и книгу пишу с точки зрения неспециалиста. Историки, политологи, географы, физики, социологи, философы, писатели и интеллектуалы на протяжении веков изучали проблемы, которые мы поднимаем в этой книге, и каждый делал это собственными методами и рассматривал проблемы с точки зрения собственной эпохи, специальности и культуры.

Если современный географ может привести глобальные исторические аналогии как аргумент о «крахе» цивилизации, а физик с помощью математики может определить вероятность наступления темной эпохи, например столкновения Земли с астероидом, то журналист или рассказчик смотрит на события с человеческой точки зрения¹. Какие же человеческие истории сохранятся, когда цивилизация погибнет? Когда бомбежка разрушит город человека или пандемия

1. Такова же и работа историка. Между журналистикой и историей существуют взаимосвязанные/симбиотические отношения, поскольку журналисты пишут о текущих событиях, а историки впоследствии изучают их труды в качестве первичных источников. А затем уже журналисты используют труды историков, чтобы рассказать людям о прошлом. (Здесь и далее прим. авт.)

оборвет людские узы, объединяющие общество? Восприятие происходящего через разные участки мозга, в том числе и через эмоции, часто влияет так, как не могут влиять данные, графики и научные исследования. Читайте эту книгу еще одним фрагментом огромной мозаики образа нашего прошлого, который воссоздадут представители самых разных дисциплин.

Действительно ли трудные времена закаляют людей? Как воспитание детей оказывает влияние на общество в целом? Сможем ли мы справиться с силой нашего оружия, не уничтожив себя? Могут ли человеческие способности, знания и технологии регрессировать? Это вопросы сумеречной зоны, где верх берут тонкие (а порой и не очень тонкие) обертоны. Эти идеи выходят за рамки современных академических дисциплин и вторгаются на территорию, обычно занимаемую драмой, литературой и искусством.

Но даже без убедительных ответов подобные вопросы увлекательны и обладают потенциальной ценностью. Многие из них – это хрестоматийные «глубокие вопросы», которые всегда лежали в основе философских трудов. Даже простые размышления о них имеют ценность. Некоторые такие вопросы обладают и практической пользой. Они напоминают нам, как часто нечто подобное происходило в прошлом, и заставляют поверить, что в будущем возможно даже то, что сегодня кажется сценарием фантастического фильма. Профессор истории однажды сказал мне, что мы учимся двумя способами: можно положить руку на горячую плиту, а можно положиться на рассказы тех, кто сделал это раньше.

Поклонники моего подкаста Hardcore History давно просили меня написать книгу. Я собрал столько материала, исследований и идей, что было бы совершенно естественно использовать их в качестве основы для подобной книги.

Возвращение назад и переработка материала напомнили мне личный тест Роршаха. Раз уж я все это прочитал и изучил, готовясь к выпускам подкаста, значит, эта тема меня интересует, и даже очень.

Если книжная полка человека отражает круг его интересов, то моя выдает увлечение апокалипсисом. Впрочем, это неудивительно, учитывая, как часто наши программы были связаны с той же самой идеей: конец цивилизации в той или иной форме. Нас интересовала не только реакция человечества на апокалипсис, учитывая прошлый опыт и знания, но и то, какими людьми он сделает нас.

Можно ли меня в этом винить? Возвышение и падение империй, войны, катастрофы, сложные ситуации, «большие истории» – все это драматично по самой своей природе¹. Проверенная временем формула успеха любого материала – увлечение плюс философия, просвещение и практичность.

Историки и рассказчики от Гомера и Геродота до Эдварда Гиббона² и Уилла Дюранта³ поняли это давным-давно. Аякс и Ахиллес кроваво и драматично проложили путь через «Илиаду», одновременно творя «историю». Вот почему Шекспир так часто обращался к прошлому, выбирая материал для своих трагедий.

Но речь не о разнообразии или увлечении. Мы часто погружаемся в историческую эмпатию и размышления. Эти события происходили с людьми из плоти и крови, которые случайно попали в

1. Я журналист, но, хотя истинный профессионал должен испытывать одинаковый восторг от освещения войны и собачьей выставки, ни мне, ни моим коллегам это не удавалось. Судя по взлету рейтингов при появлении в новостях крупных событий, люди, далекие от журналистики, больше всего любят «большие истории». В истории, как и в новостях, есть свои большие истории, и порой фраза «если там льется кровь, новость пойдет первой» применима к обеим сферам.

2. Английский историк XVIII столетия. Автор «Истории упадка и разрушения Римской империи». (Прим. ред.)

3. Американский писатель, историк и философ. Наиболее известен как автор 11-томной «Истории цивилизации», которую он написал совместно со своей женой Ариэль Дюрант. За 10-й том «Руссо и революция» сборника супруги получили Пулитцеровскую премию. (Прим. ред.)

беспощадные жернова истории. Трудно не задуматься, как справились бы мы, оказавшись в подобных обстоятельствах.

Роясь в архивах, я постоянно сталкивался с повторяющимся историческим вопросом, на который не было ответа. Будут ли события разворачиваться так, как всегда, или нет? В определенных обстоятельствах это очень страшный вопрос. И некоторые такие примеры мы обсудим в этой книге.

Столкнемся ли мы снова с пандемиями, которые стремительно уничтожат значительную часть населения? До относительно недавнего времени это считалось вполне нормальным, но сегодня кажется фантастикой.

Большие страны всегда вели войны. В любой следующей войне будут участвовать ядерные державы. Третья мировая война кажется сценарием плохого фильма, но не более ли она вероятна, чем вечный мир между великими державами?

И, наконец, как мы уже спрашивали, можете ли вы представить свой родной город в руинах? Не станут ли когда-то руинами большинство существующих городов? Любой ответ на этот вопрос будет интересным.

Хотя будущее по большей части кажется мрачным, достаточно взглянуть на историю, и обстоятельства нашей жизни представляются в лучшем свете. Вспомните, что пережили люди, когда их города подвергались ковровым бомбардировкам, или во время чудовищных эпидемий чумы в Средние века. Рядом с этим ваши проблемы покажутся мелкими. Одной мысли о стоматологии прошлого достаточно, чтобы убедить меня: все-таки мы живем в прекрасные времена.

И все же, несмотря на все различия между людьми разных эпох, определенные события и эры кажутся, как пишет Барбара Такман¹, зеркальными отражениями друг друга. Трудно не задумываться, как бы мы справились с подобными обстоятель-

1. Американская писательница и историк. Дважды лауреат Пулитцеровской премии за нехудожественное прозаическое произведение. (Прим. ред.)

ствами. Мой дед часто говорил: «Если бы не милость Божья, это могло бы случиться со мной». Благодаря космической удаче мы родились в свое время и в своем месте. Вполне могло бы случиться и так, что мы родились бы в другом месте и другой эпохе. Подобная мысль значительно облегчает историческую эмпатию.

Однако, несмотря на кажущуюся стабильность нашего времени, нет никаких гарантий, что все не изменится в мгновение ока. Примеры, о которых я решил рассказать в этой книге, драматизируют времена, когда происходили эти события. Рискую показаться дешевым Нострадамусом с плакатом на груди «Конец близок», скажу, что коллапс бронзового века мог бы случиться и с нами. И глобальная супердержава может неожиданно взорваться, как взорвалась древняя Ассирия, оставив после себя колоссальный геополитический вакуум. Наш вариант Рима может распасться, как распалась Римская империя. С легкостью может возникнуть пандемия, и, если она окажется достаточно тяжелой, это заставит нас вспомнить, какой была жизнь людей до современного развития медицины. Может начаться ядерная война или экологическая катастрофа. Мы можем оказаться в ситуации, о которой будущие эпохи будут читать в книгах, ужасаться экстремальному человеческому опыту и учиться на нашем примере тому, как поступать не следует.

В конце концов, гордыня – классическая историческая черта человечества. Как всегда говорил мой отец: «Не знавайся!»

ГЛАВА I

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА ЗАКАЛЯЮТ ЛЮДЕЙ?

На протяжении всей письменной истории существовало убеждение, что трудные времена делают людей лучше и сильнее и эти люди, преодолевая трудности (войны, тяготы и лишения), создают более сильных, более стойких и, возможно, даже более добродетельных потомков.

«История полна шороха шелковых тапочек, спускающихся вниз, и стука деревянных башмаков, поднимающихся наверх», — когда-то сказал Вольтер. Судьбы наций, цивилизаций и обществ решает характер народов, а на характер этот в значительной степени влияют материальное и моральное состояние общества. Эта идея лежала в основе исторических трудов еще древнегреческих авторов, но к середине XX века ее популярность стала снижаться¹.

Современные историки не поддерживают концепцию деревянных башмаков и шелковых тапочек. И тому есть целый ряд веских причин, начиная с отсутствия информации. Очень трудно доказать или количественно оценить аморфные человеческие качества, такие как стойкость и решительность², а

1. На заре исторической науки целью многих историков и авторов было преподать некий моральный урок, как правило, на историческом примере.

2. Особенно если распространить их не на отдельные личности, а на целое общество.

затем оправдать их включение в академические исторические труды, основанные на фактах и оцениваемые современниками. Но это не означает, что такие качества влияния не оказывают.

Давайте проделаем небольшой ментальный эксперимент. Представьте, что на ринг выходят два боксера. Они одного роста, равного веса, имеют одинаковую подготовку. Они вместе тренируются в одном зале и даже у одного тренера. Все переменные устранены. Что станет решающим фактором победы? Не та ли неопределенная концепция, которую мы называем «стойкостью»? Трудно сказать, что боксер победит, потому что он «более стойкий». И для начала: а почему мы решили, что «стойкость» — это хорошо? Стойкость — неопределенная концепция, в которую все мы верим, и широко пользуемся производными от нее прилагательными. Но термин этот относителен, и представление о нем у каждого человека и в каждой культуре может быть своим¹.

А теперь вместо дерущихся друг с другом боксеров представим себе более масштабное соперничество — между целыми обществами. Что произойдет, к примеру, если Соединенные Штаты Америки сегодня начнут войну со страной таких же географических размеров, с таким же населением, такого же экономического положения и военной мощи, с тем же вооружением и технологиями. И война эта будет жестокой, до безоговорочной капитуляции, когда города обеих стран будут лежать в руинах. Единственное различие между двумя странами в том, что народ, против которого

1. В действительности, у термина «стойкий» существует множество синонимов для разных контекстов, например «боевой». Но в таком случае мы определяем стойкость в терминах войны и насилия. У этой идеи есть и другие потенциальные аспекты: эмоциональная стойкость, способность выдерживать лишения — все это мы тоже называем «стойкостью».

мы сражаемся, население этой мифической зеркальной страны — наши деды.

Большинство тех, кто родился с 1900-х по 1930-е годы, сегодня уже мертвы, но они были частью той группы, которую сегодня называют «величайшим поколением»¹.

Впрочем, в истории было немало тяжелых периодов и поколений, по сравнению с которыми такой эпитет звучит слегка глуповато. Тем не менее, по нашим меркам, представители величайшего поколения были очень стойкими — по-настоящему стойкими. И тому есть основания. Даже до Второй мировой войны эти мужчины и женщины более десяти лет жили в условиях колоссальных экономических трудностей — самых тяжелых в современной мировой истории.

Министр финансов в администрации президента Герберта Гувера Эндрю Меллон полагал, что биржевой крах 1929 года, положивший начало более чем десятилетнему экономическому коллапсу, — вещь хорошая. «Трудности избавят нашу систему от гнили, — говорил Меллон (эти слова приводятся в мемуарах Гувера). — Высокая стоимость жизни снизится. Люди начнут больше работать, вести более высокоморальную жизнь. Ценности укрепятся, а предприимчивые люди подхватят то, что упустили менее компетентные».

Если оценивать ситуацию с точки зрения Меллона, то, возможно, все так и было. Депрессия положила конец «ревушим двадцатым» — времени роскошной жизни, подпольных баров, джаза, веселых девушек, чарльстона и роста популярности кинематографа. То, что Меллону казалось бессмысленной распущенностью, для других было

1. Это название в 1998 году предложил журналист Том Брокау в одноименной книге.